

Цзи Сюэмянь внезапно побледнел от ярости, схватил чернильницу и с молниеносной скоростью швырнул её в противника.

Дуань Цичи быстро отклонился, и чернильница пролетела мимо его щеки, ударившись о стену в метре позади.

Полог шатра откинулся. Янь Мин, держа в руках дымящийся котелок, застыл с полуоткрытым ртом. Он только успел выкрикнуть: «Цзи...», как следом раздался его собственный истошный вопль.

Чернильница угодила прямо ему в колено. От боли руки Янь Мина дрогнули, ноги подкосились, и он рухнул на колени. Солдаты, придерживавшие для него полог, поспешно перехватили котелок и тоже опустились на землю.

Один из солдат, весь дрожа, поднял поднос:

— Ва... Ваше Высочество, лекарство готово.

Дуань Цичи с невозмутимым видом продолжал пить чай:

— Отдай господину Цзи.

Цзи Сюэмянь, стоя посреди учинённого беспорядка, холодно усмехнулся. Он быстро подошёл к Янь Мину, схватил его за воротник и рывком поставил на ноги.

Янь Мин был вынужден выпрямиться. Опустив взгляд и закатав штанину, он увидел на колене огромный фиолетовый синяк и принялся жаловаться:

— Слушайте, вы двое, нельзя ли в следующий раз обойтись без ущерба для невинных?

На лбу Цзи Сюэмяня выступили капельки пота. Янь Мин стоял слишком близко, и в нос ему ударил странный — сладостный, но холодный — аромат. Янь Мин, не подозревая подвоха, спросил:

— Господин Цзи, неужели в этой палатке прячется женщина? Откуда такой приятный запах?

Дуань Цичи тихо рассмеялся:

— Верно, спрятал красавицу, а господин Цзи не смог её отбить и теперь в гневе хочет меня убить.

Янь Мин с облегчением выдохнул:

— Ха, да разве это повод? Господин Цзи, зачем вам спорить с регентом? Вот вернёмся в Столицу, я познакомлю вас с дочерью моей двоюродной сестры. Она такая красавица — глаз не

отвести.

Цзи Сюэмянь с ледяным выражением лица забрал поднос у солдата, жестом приказал ему выйти, а затем повернулся:

— Господин Янь, прошу прощения. Присаживайтесь.

Янь Мин, морщась от боли, сел за край стола. Разумеется, сесть напротив Дуань Цичи он не решился, поэтому расположился по левую руку от него и осведомился:

— Регент, какова обстановка в Наньцзяне?

Его тон был ровным и уверенным — среди чиновников редко встретишь столь несгибаемых людей.

Дуань Цичи провёл в Столице более десяти лет, но не был там последние два года. За это время Янь Мин под патронажем Цзи Сюэмяня стремительно вырос в одного из столпов партии Главного секретаря, удерживая на своих плечах это прогнившее государство.

Дуань Цичи давно понимал, что этот чиновник — крепкий орешек. В отличие от Цзи Сюэмяня, Янь Мин обычно выражался обтекаемо и обладал невероятной проницательностью.

Потому Дуань Цичи не собирался враждовать с таким умным подчинённым. Его не заботило, что он переманивает людей у Цзи Сюэмяня, и он не считал, что в борьбе за трон есть что-то предосудительное.

Просто из сотен придворных лишь Цзи Сюэмянь стоял особняком, как упрямец, который готов разбиться о стену, но не повернёт назад.

Дуань Цичи не обращал внимания на то, что оба присутствующих сейчас мечтали его прикончить, и даже лично налил Янь Мину чаю.

Янь Мин принял чашку и поблагодарил.

Цзи Сюэмянь молча наблюдал за ними, не проронив ни слова.

Дуань Цичи даже не пытался скрывать свои намерения, но подкупить Янь Мина было не так-то просто. Цзи Сюэмянь не собирался отступать и не позволил бы Дуань Цичи вырывать по кирпичику фундамент государства, на возведение которого он потратил столько сил.

В отличие от того легкомысленного и дерзкого тона, который Дуань Цичи использовал с ним, перед другими людьми он был настоящим хищником. Его методы можно было описать двумя словами: безжалостный и коварный.

Дуань Цичи немного помолчал:

— Почти готово. Как только возьмём Город Тяньхуа, можно будет протрубить отступление и возвращаться в Столицу.

Янь Мин осторожно прощупал почву:

— По пути сюда я слышал, что самое могущественное из местных племён Наньцзяна обосновалось именно в Городе Тяньхуа. Неужели вы планируете взять его одним ударом?

Дуань Цичи невозмутимо ответил:

— Элитный отряд, который сейчас находится в лагере — это лишь малая часть сил, я специально оставил их для Города Тяньхуа.

Эти слова... что-то здесь было не так.

Цзи Сюэмянь понимал: Дуань Цичи давно разделил свои войска на десятки мелких групп, весь Наньцзян был опутан его сетью доносчиков, и возвращение территорий — лишь вопрос времени. Но именно Город Тяньхуа, этот ключевой опорный пункт, решал, кому достанется Наньцзян.

Окружающие племена гибли или бежали, и только в Городе Тяньхуа царило спокойствие. Раз Дуань Цичи так долго не нападал на него, значит, на то были особые причины.

Цзи Сюэмянь вспомнил, как только прибыл в Наньцзян. Императорская гвардия не знала сложной местности, и первой найденной ими крепостью стал именно Город Тяньхуа. Старейшина одного из племён у стен города, заметив, что воины одеты как люди из Центральных равнин, приказал пустить стрелы. Императорская гвардия не ожидала удара и понесла тяжёлые потери, а самого Цзи Сюэмяня схватили, что и привело к его встрече с Дуань Цичи.

Зрачки Цзи Сюэмяня расширились.

Внезапно его осенило: Дуань Цичи, должно быть, уже вступил в сговор с врагом!

При этой мысли сердце Цзи Сюэмяня бешено забилося. Жар поднялся из глубины лёгких, разливаясь по всему телу и пробуждая каждую холодную нервную клетку.

Он знал, что Императорская гвардия прибудет в Наньцзян. Сначала он оставил Город Тяньхуа в качестве базы, притворившись, что признаёт власть старейшины, а затем, рассчитав время прибытия гвардейцев, использовал нож старейшины, чтобы уничтожить людей Цзи Сюэмяня. Те были застигнуты врасплох и разгромлены.

Старейшина же случайно пощадил Цзи Сюэмяня: во-первых, потому что тот был невероятно красив, а во-вторых...

Дуань Цичи создал себе репутацию любителя красавцев, и старейшина, желая угодить ему, решил преподнести Цзи Сюэмяня в дар. Лань Шэнь ничего об этом не знал и обратился к Дуань Цичи как к самому влиятельному человеку в регионе. Тот разыграл добродетеля, обменялся парой слов со старейшиной, сделал вид, что нехотя «выкупает» Цзи Сюэмяня за несколько слитков золота, и так долго водил всех за нос!

Неудивительно, что в тот день, когда он пошёл в бордель, из ниоткуда появился Дуань Цичи и схватил его с поличным! И та ночь, когда на лагерь напали с помощью ядовитых насекомых — это наверняка тоже были люди старейшины, иначе никто не смог бы найти скрытый лагерь Дуань Цичи.

Вероятно, старейшина тоже понял, что стал лишь игрушкой в руках Дуань Цичи. В конце концов, Дуань Цичи — это настоящая бешеная собака.

Теперь, когда Дуань Цичи заполучил «пленника» и стал самым опасным кукловодом в Наньцзяне, он собирается уничтожить тех, кто был полезен, и быстро захватить Город Тяньхуа. Тот предводитель племен, которого он использовал, даже не успеет понять, как окажется на том свете!

Оказывается, ещё до прибытия Цзи Сюэмяня в Наньцзян, Дуань Цичи уже всё просчитал!

Дуань Цичи, заметив этот взгляд, лишь безразлично улыбнулся, опустил глаза и спокойно сделал глоток чая. Раз он решился сказать это Цзи Сюэмяню, значит, не боялся, что тот поймёт истину.

Дуань Цичи мягко спросил:

— Господин Главный секретарь, о чём вы задумались?

Цзи Сюэмянь молча пил чай, лихорадочно соображая. Если мать юного императора лишится такой опоры, как регент, она может отстранить сына от дел и править из-за ширмы. Цзи Сюэмянь скорее умрёт, чем допустит подобное.

Враг силён, а он слаб, поэтому Цзи Сюэмянь невозмутимо ответил:

— Я думаю о том, что должен беречь себя. Император не может обойтись без моей поддержки.

Янь Мин внимательно посмотрел на Цзи Сюэмяня. Несмотря на бледность и холодный вид, он выглядел на удивление хорошо. Его дух был ярче, чем у любого из молодых выскочек из Гоцзыцзяня, а глаза горели, словно два неугасимых огня.

Странно. Раньше Янь Мин видел такое только на лицах больных, хрупких невест, и то лишь на следующее утро после первой брачной ночи.

Белоснежная кожа с лёгким румянцем, розовеющим в глубине... Это был явный признак того, что человека «удостоили» пылкой страсти.

Это было слишком шокирующе...

Янь Мин бросил взгляд на невозмутимого Дуань Цичи и побоялся развивать эту мысль. Кто не знал, что жизнь регента Дуань Цичи донельзя скучна? В его поместье были только старый дворецкий да прислуга, никакой хозяйки. Чиновники из Столицы пытались навязать ему своих дочерей, а некоторые — даже сыновей, но всем было отказано. Ходили слухи, что с юности он был равнодушен к любовным утехам, чудак, который хранил целомудрие лучше любой девицы.

А вот Цзи Сюэмянь... кто же не знал, что он частый гость публичных домов?

Янь Мин ломал голову, но не мог понять: Цзи Сюэмянь его обманывает? Ведь он наверняка уже бесчисленное множество раз спал с регентом!

Поколебавшись, он всё же решился спросить:

— Господин Цзи, я ничего не знаю о вашей болезни. Мне нужно прощупать пульс, чтобы составить верный рецепт.

Цзи Сюэмянь не мог отказаться от заботы Янь Мина. Немного помедлив, он закатал рукав и положил запястье на стол.

Дуань Цичи вдруг затаил дыхание. Его сердце на секунду пропустило удар.

На этом запястье...

На это было больно смотреть: повсюду следы зубов, смешанные с синяками — совершенно свежие.

Дуань Цичи вспомнил, что произошло в палатке, и уголки его губ поползли вверх.

Только Янь Мин выглядел так, словно исполнял приговор. Едва прикоснувшись к пульсу, он охнул:

— Ох... почему мне кажется...

Цзи Сюэмянь нахмурился и поспешно отдёргнул руку:

— Оставьте, я сам знаю, что с моим телом.

Янь Мин погладил подбородок:

— Что-то не так! Пульс у вас странный. Беда в том, что я не могу понять, что именно! Нет, позвольте взглянуть ещё раз...

В голове у Цзи Сюэмяня словно прогремел гром, он чуть не задохнулся от страха. Пульс у гэ может отличаться от мужского: мягкий, едва уловимый, струящийся, как речная вода. Но так как Цзи Сюэмянь был сильным и стойким, Янь Мин даже не мог заподозрить в нём гэ.

Цзи Сюэмянь, прикрываясь мнимой болезнью, легко водил за нос этого недоучку-лекаря.

— Господин Янь, если вы найдёте у меня какую-то страшную болезнь, я совершу преступление обмана императора и не смогу жить дальше.

Янь Мин прикусил язык. Покойный император был благодетелем Цзи Сюэмяня, и тот был готов терпеть тяготы болезни, лишь ради верности долгу. Когда он говорил об обмане императора, то имел в виду, что не смог защитить его и вырастить достойным правителем.

Действительно, упрямец.

Янь Мин не сдавался:

— А вдруг у вас серьёзный недуг! Позвольте взглянуть!

Цзи Сюэмянь холодно отрезал:

— Серьёзную болезнь не вылечить, а мелкая пройдёт сама. Не беспокойтесь.

Янь Мин в сердцах хлопнул по столу:

— Ты что, считаешь меня чужаком!

Чай пролился. Дуань Цичи, не договорив, молча вытер пролитую жидкость, которая попала на рукав Цзи Сюэмяня.

Цзи Сюэмянь прищурился, глядя на пятно, а затем встретился с полным насмешки взглядом Дуань Цичи.

Снаружи послышался шум — кто-то дрался. Через мгновение в палатку вбежал Лань Шэнь с синяком на пол-лица:

— Господин, что случилось? Я слышал крики, это Сяо-ван...

Цзи Сюэмянь беспомощно взглянул на него:

— Выйди.

Лань Шэнь, всегда импульсивный и пекущийся о безопасности господина, увидел, что тот сидит в добром здравии, и пробормотал:

— Э-э... господин, у меня ещё дело. Только что во время обхода патруля я нашёл... нагрудник.

— Не смотри на непотребное, — пробормотал Янь Мин, отворачиваясь.

Цзи Сюэмянь, глядя на эту вещь, почувствовал, как начинает болеть голова. Кто опять пытается его подставить? На этот раз нагрудник был белым, с кровавыми пятнами и нарисованным на нём пауком.

Это был второй «паук», найденный в лагере. На этот раз Дуань Цичи не стал устраивать обыск, а лишь нашёл ситуацию забавной:

— Похоже, «Пауки» ещё не все передохли.

Сказав это, он вспомнил покрасневшие от слёз глаза Цзи Сюэмяня в ту ночь. Не отрывая взгляда от него, он вздохнул:

— Только не говорите мне, что это снова мой Главный секретарь. Вчера ночью я не заметил на вас никакого нагрудника.

Атмосфера накалилась до предела. Янь Мин чувствовал себя как на иголках.

Цзи Сюэмянь сжал кулаки и прервал его:

— Господин Янь, оставайтесь в лагере в качестве инспектора. Нам с регентом нужно в Город Тяньхуа, мы скоро вернёмся.

Затем он поднял руку и, нахмурившись, залпом выпил горький, как сажа, отвар. Облизав горькие губы, он не выдержал:

— Ужасно горько.

Янь Мин честно предупредил:

— Там ещё несколько котелков осталось.

Дуань Цичи дождался, пока Цзи Сюэмянь осушит чашу, и вышел из палатки. Снаружи Линь Юань уже подготовил лошадей.

Кто бы мог подумать, что, как только они прибудут к Городу Тяньхуа, четвёрку путешественников остановят у ворот.

Вне стен города толпились простолюдины в грубой одежде, перекрыв путь. Грубые стражники орали:

— Всем, кто входит в город, обыск! А ты, стой! Сделаешь ещё шаг — наш Великий Мастер гу насмерть заговорит!

На паланкине, который несли десять человек, сидел мастер гу, чей головной убор был украшен деревянными шариками. Он внимательно изучал глаза каждого прохожего.

Цзи Сюэмянь подумал: «Чтение мыслей». Тот пытался вычислить, кто из входящих — предатель из армии Сяо-вана. В самом городе столкнулись как минимум три силы: армия Дуань Цичи, племя старейшины и невеста откуда взявшиеся «Пауки». Только Цзи Сюэмянь знал, что в тени скрываются ещё и остатки Императорской гвардии — если грамотно ими воспользоваться, это поможет ему первым вернуть Наньцзян под свой контроль.

Глаза мастера гу впились в Цзи Сюэмяня, сканируя его с головы до ног.

Цзи Сюэмянь терпеть не мог сальных взглядов. Сначала он отвернулся, а потом медленно обернулся и одарил мастера гу ледяным, пронизывающим взглядом.

Он был как породистый скакун — прекрасный и опасный, готовый лягнуть любого.

Грудь мастера гу тяжело вздымалась. Он приказал стражникам схватить Цзи Сюэмяня:

— Его! Того, что красивее Мэй-цзэ! Взять его! Я сам его обыщу!

Мастер гу дрожал от возбуждения:

— Хочу посмотреть, если у этого красавца столько влаги в глазах, то хватит ли её в других местах?

<http://bllate.org/book/21919/2277354>